

УЖИН С ТАНЦАМИ В МЕТЕХИ

Арсену Титову, приоткрывшему некогда мне грузинскую тему.

В ресторане, что в Метехи, высоко над Курой-рекой, свободных мест не было, да и не могло быть. Но разве это остановит Бесо Майсурадзе, для которого слова «нет» не существует, во всяком случае, в Тбилиси! Ресторанный шеф тут же распорядился внести дополнительный столик, причем поставить его так, чтобы пришедшим открывался хороший вид на эстраду.

Бесо принимал московского гостя, с которым вместе, еще в советское время, учились в московском экономическом вузе. С полученным дипломом Бесо уехал к себе в Кутаиси, сильно там бедствовал без средств, без работы, наконец, в конце девяностых, с одной небольшой сумкой поклажи вернулся в Москву, уже новую, лужковскую, барахольную. К этому времени его друг Проворин сумел создать немалую разветвленную фирму, а потому легко помог однокурснику стать на ноги, организовать предприятие по сбыту чего-то, скопить капитал, достаточный, чтобы купить несколько шикарных квартир, а теперь строить гостиницу в Тбилиси, держать ресторан в Батуми, прибрать виноградники с собственным виноделием в Кахетии.

Как принимать столь дорогого гостя? Конечно, по высшему разряду – а значит, в задушевной обстановке грузинского семейного застолья, с ужинами в старинных дворцовых залах при певческо-танцевальных ансамблях и эстрадных звездах, а то и в обществе писателей, художников, артистов по выбору, с выездами на пикники в лучших нишах Ала-

занской долины и горной Рачи. Можно снарядить плот, заставить его столами для друзей, погрузить на плот музыкантов – и так с песнями сплавляться по Куре через весь город.

Все можно, но сегодня для неспешной мужской беседы (жены позволили им оставить себя дома) Бесо выбрал этот ресторан, потому что он знаменит концертной программой с песнями и плясками многонациональной Грузии, причем на профессиональном уровне. Славится ресторан и хорошей кухней и, само собой, настоящим вином.

– Видишь, какое многолюдье, и каждый день так, место надо заказывать за неделю, – сказал Бесо, когда они уселись. – И это в большинстве россияне. Если бы им не нравилось у нас, кто бы поехал?

Гость неспешно оглядывал большой, мест на двести, зал. Проворин был в том возрасте, когда молодость и прыть уже уходят, вместо них в фигуре, в осанке, в выражении лица появляется основательность и солидная серьезность. Одет он был легко, просто, держал во рту свои собственные, не заемные зубы, а вместе с тем с первого взгляда можно было понять, что перед вами человек начальственный и богатый. Об этом говорили холерное, чисто выбритое лицо, его несуетное выражение, модные тяжелые очки с задымленными стеклами, темного загадочного камня перстень.

– У турок народ отнимаете? – наконец отозвался он на слова Бесо.

– А зачем народу российскому к туркам ездить, если под боком братская Грузия? И русских здесь любят.

– Когда их уже нигде не любят? Договаривай, не стесняйся.

– Я сказал ровно то, что хотел сказать, Сергей Дементьевич, – примирительно проговорил Бесо. – Давай лучше выберем, что есть-пить будем.

Проворин поморщился и лениво махнул рукой:

– Снова есть-пить? Да бери, что хочешь, что себе, то и мне. Я по латинской пословице: в Риме веди себя как римлянин. В Грузии я грузин.

Тут же подлетел официант, за десять минут загрузил стол закусками, принес два больших запотевших кувшина – с белым и красным вином.

– Лучшие кварели и вазисубани, – шепнул он. – Какое налить?

Решили начать с красного кварели. Бесо, взяв в руки фужер, превознес свою дружбу с дорогим Сергеем Дементьевичем, повстречаться с которым в жизни сам бог судил, назвал все замечательные душевные и деловые качества гостя, пожелал здоровья и многих лет жене и родителям, успеха и процветания его компании, так много делающей для счастья всех россиян. Проворин внимал с легкой улыбкой, не особенно вслушиваясь, как что-то дежурное, не заслуживающее внимания. За три дня, что он провел в Грузии, все словоговорения с неумеренными комплиментами и преувеличенными пожеланиями уже успели ему порядочно поднадоесть. Чокнулись, стали пить. Но гость, сделав небольшой глоток, поставил фужер.

– В Москве уже отвыкают, а до вас только дошла эта нелепость, – недовольно сказал он.

– Что-что, о чем ты? Вино плохое? – встревожился Бесо.

– Да разве поймешь, какое вино, если оно заморожено? Потрогай, как лед, не охлажденное слегка, как положено, а именно заморожено. И это в Грузии, где, как нигде, умели подавать вино. У нас тоже было начали все подряд замораживать, вино, коньяк, едва отучили. А тут...

Бесо снова отхлебнул из своего фужера.

– Да, действительно! Почему-то считают, что людям нравится. Эй, дружище, Мамука! – позвал он официанта. – У вас все вино такое холодное? Можешь принести нормальной комнатной температуры? А то у меня гость горло боится застудить. Что делать, певец, знаменитый на весь мир. Узнаешь? У нас выступать будет в опере.

У Бесо была своеобразная манера представлять друзей, выдавая их не за тех, кем они были на самом деле, чаще всего завышая по званию и должности. Вот и Проворин за эти дни уже был представлен в разных компаниях российским министром – один раз финансов, другой раз почему-то министром почт и связи, потом сенатором и ближайшим другом Путина, и, что уже совсем никуда не годится, генералом ФСБ, реально ведущим всю главную работу по обеспечению российской безопасности и вот теперь приехавшим устанавливать стратегические связи с грузинским руководством, конечно, при исключительном посредничестве самого Бесо.

Вино заменили, даже фужеры поставили новые.

– Ну вот, теперь другое дело, – удовлетворенно молвил Проворин. – Твое здоровье, Георгиевич!

Бесо любил, когда его называли по отчеству, в русском стиле. Он прожил в Москве лет пятнадцать, говорил почти без акцента, жил там поочередно с несколькими москвичками, но жену-грузинку не бросил и в Россию перевозить не стал, а наоборот сам вернулся в Тбилиси, где у него за это время подросли две дочери и от старшей уже народились внуки.

– Вот ты говоришь, Георгиевич, – продолжал гость, накладывая себе в тарелку сациви, – вот ты говоришь, что русских у вас в Грузии любят. Легко любить, когда человек придет с деньгами, чтоб здесь их оставить и потом отчалить домой. А, скажи, много ли осталось у вас русских на жительство? Вот это показатель! Еще скажи – есть ли у россиянина хоть малейший шанс завести здесь свое дело, как ты в Москве, да и тысячи ваших? И не дворниками работают. Можно мне, скажем, здесь хотя бы ресторанчик открыть, фирменный такой ресторанчик русской кухни под вывеской «Гуляй, Ваня!»? Что скажешь? Нам с тобой друг перед другом темнить нечего. Сам знаешь, мне интересно лишь начистоту говорить.

Бесо только усмехнулся на эти слова.

– Врать не стану, не продержится долго твой ресторанчик, даже если ты его назовешь «Заходи, генацвале!» Нет, не сожгут – этого у нас теперь нет. Просто никто к тебе ходить не будет.

– Не нравится русская кухня?

– Не смейся, просто не пойдут и все. И знать не узнаешь, почему, кто не пускает, кто не советует к тебе заходить. Да, соглашусь, такого, как в России, у нас нет. Да и где есть?

Вот ты, Дементьевич, со своими капиталами пробовал дело где-нибудь на Западе завести? Очень пустяк? Хотели ваши миллиончики какие-то доходные производства купить в Италии, Германии, Англии – продали им? Нет, не продали. Игрушки, да, покупайте – замки, дворцы, яхты, омертвляйте деньги, просаживайте, тут конкурентов нет. А в дело – нет, не возьмут. Так и у нас. Страна маленькая, много бедных, а все гордые, все хотят стать богатыми. Это только у России широкая душа. Так выпьем за Россию, Сергей Дементьевич! Пусть у вас все будет хорошо, тогда и у нас будет хорошо. А эти все хмели-сунели, что сейчас творятся, пройдут же когда-нибудь.

Принесли шашлык-мцвади, дымящиеся хинкали, запеченную форель в гранатовом соусе. А доброе вино и у сытого человека пробуждает аппетит.

– Гаумарджос! – молвил в ответ Проворин. Ему когда-то сказали, что в Грузии достаточно в нужных случаях говорить «гаумарджос!» и все будут думать, что ты знаешь грузинский язык.

На сцене началось оживление, возникли музыканты, стали настраивать этнические инструменты – пандури, дудуки, чибони, цинцилу, другие интересные штуки, а также аккордеон. Вышли певцы в красивых черно-белых чохах с газырницами и с булатом на поясе. И зазвучала «Сакартвело» – торжественная и печальная песня о родине.

– Вышли грузины в черкесках, заиграли лезгинку, – сказал смеясь Проворин.

Бесо рассмеялся еще громче.

– Помню, помню, как ты вначале называл наши национальные особенности!

– А ты набычился: «Кто такие черкесы, кто эти лезгины, чтобы могли нам одежду свою дарить и музыку! Знать их не знаю, у нас все свое было, когда этих горцев и в помине не было». Всерьез разозлился. Я тогда еще подумал: «Смотри ты, характер! Надо с ним осторожнее».

Оба от души хохотнули. Сквозь смех, захлебываясь, вспоминали:

– А помнишь, как ты на первом курсе одного нашего студента, между прочим штангиста-тяжеловеса, напугал в кафешке, когда в споре за нож схватился?

– Ну да, а нож-то тупой, столовский, да еще в соусе. Ты мне тогда и говоришь: «Бесо, что ты, этот нож для резни не годится. Сходи на кухню, возьми у повара настоящий, которым мясо разделявают». Я чуть не лопнул от смеха, еле сдержался.

– Но тому дураку хватило, больше не возникал.

– Какой там! Потом на меня боязливо косился, разговаривал вежливо. Пусть знают грузина!

– Ты и меня на первом курсе напугал. Помнишь, с нами на курсе училась Кизимова, чеченка или лезгинка, бог ее знает. Милая, тихая такая девушка, скромная. Как-то стоим мы с тобой в коридоре, она подходит с кульком пирожков сладких и давай нас угощать. Я, конечно, взял, а ты в сторону отвернулся и будто не слышишь. «Бери, Бесо», – говорит она. «Спасибо, не буду!» – отвечаешь ты, и так неприятно отвечаешь, сердито. Чего ты, спрашиваю, когда она отошла, зачем обижаешь девушку? «Они моих предков резали, грабить

из-за хлеба приходили, а я теперь буду с ней пирожки кушать!» Я аж поперхнулся. Вот, думаю, дает, а как же дружба народов!

– Да смеялся я, шутил, изобразил свирепого кавказца. Неужели не понял?

– Ну и шутки у тебя были!

Разговор прервало объявление ведущего – и на сцену выбежали танцоры в темно-бордовых нарядах, в мягких сапожках. Мтиулури – танец Кахетии. Под стремительно-вихревую музыку мужчины метались резко, стремительно, соревновались, разбившись на группы, в ловкости, искусности движений, владении оружием. Девушки в ангельской белизне платьев легко и проворно кружились, примагничивая к себе взоры, вызывая споры и вихревые схватки джигитов. Потом хевсуры явились в черных костюмах, плясали с мечами и щитами в руках. Их танец – сплошная рубка, огонь, бой, в котором и шатаются от ран, и падают сраженными, и вновь поднимаются для победы и торжества. Но всякую схватку прекращает тихо и нежно вступившая на сцену женщина, бросившая между яростными барсами свой белый платок...

Наши друзья не усидели за столом, подошли ближе к сцене, смотрели стоя. И вернулись за стол только с объявлением перерыва.

– Хочешь, Бесо, я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся, – начал Проворин, берясь за налитый бокал, с интонацией комедийного киногероя. – Хорошо вот так сидеть, вино пить, хинкали кушать – и смотреть, как перед тобой сваны и хевсуры поют и пляшут за деньги. И хорошо пляшут, чувствуется – все настоящее, с гор, из древности, освящено временем. Только ведь, пойми меня, не для этого те песни и танцы слагались. Ими звали на бой, прославляли героев, вспоминали родное гнездо, оплакивали павших. В час беды звучали они и в час торжеств. Не зря ведь все танцы с оружием в руках или на поясе – потому что, отплясав перед своими стариками и женщинами, показав им свою удаль, уходили за перевал сражаться и умирать. И вот здесь, в ресторане, среди сытых, хмельных людей... все это изгаживается, меркнет. Это, извини, как бисер метать... Посмотри, сколько пьяных, налитых... Им бы что-нибудь простенькое под винцо. А тут гимны, эпос, история – на продажу, на панель, потому что так выгодно хозяину ресторана. У него национальной гордости нет. И все гибнет, стирается, превращается в эстрадные номера, в эти... как их? В шлягеры, и еще хуже. Понимаешь ты меня?

Бесо потянулся к другу, ласково приобнял его за плечо.

– Уважаю я тебя, Дементьевич, за то, что ты вот всегда так серьезно обо всем думаешь. И говоришь откровенно. Это мне нравится. Но, знаешь, расслабляйся ты иногда. И с лошади хомут снимают, чтоб побегала, порезвилась. Что плохого, если люди на танцы наши посмотрят? Где они их еще увидят? У нас всегда на свадьбы, на любой праздник певцов и танцоров приглашают. Оттого и не забыты эти песни.

А тем временем на сцене произошла полная ротация – народных музыкантов сменили эстрадные, вышла раскрашенная певичка и началась обычная ресторанный мура, одинаковая в Москве и в Одессе, в Сочи и в Тбилиси. Круг перед сценой заполнился танцующими. В перерывах между номерами ведущий оглашал поздравления с днем рождения

«дорогого гостя из Москвы», «уважаемого Гиви», «красавицы Софики». После каждого объедения звучала, простенькая, как чирикание, песенка Happy Birthday to You.

Послушали, помолчали, поели. Но вскоре Проворина потянуло к прежнему разговору.

– Вот ты говоришь, Георгиевич, что Грузия одним туризмом спасется, всё у нее для этого есть – природа, древности, национальный колорит, чистый воздух, и можно безбедно прожить без промышленности, науки, без животноводства и интенсивного земледелия, чтобы не загрязнять землю. Хорошо! Но есть тут один деликатный момент. Сами не заметите, как из нации земледельцев и мастеров, художников и ученых превратитесь в ораву официантов, лавочников, горничных и всякую другую службу, включая прости-туток – спрос рождает предложение. И что останется от грузинской мечты? Какие песни станете петь? Исчезнет самоуважение, любовь к старине, к церкви, вместо традиций – бутафория, подделка, характер народа измельчает. Ты видел это сам в некоторых странах – жалкое зрелище! Конечно, официантов или прислугу в гостинице можно нарядить в хевсуров с кинжалом и патронташем, но в душе-то они будут лакеями, готовыми на все ради чаевых. Ты думал об этом?

Бесо наливал вино и лишь добродушно буркнул в ответ:

– Зачем мне думать, дорогой, когда ты о нас думаешь!

Чокнулись, на этот раз почему-то с жадностью осушили бокалы до дна. А со сцены снова звучало Happy Birthday to You.

– Вот скажи, – Проворин кивнул на эстраду, – почему с днем рождения надо поздравлять по-английски? Что, своих песен нет, уже забыли? Вот и началось то, о чем я сказал. Национальное уходит, заменяется чипсами. Кстати, какой песней раньше в Грузии поздравляли именинников?

Бесо остановился закусывать и с пирогом в руке уставился на Проворина.

– Э, в самом деле, какой? – растерянно проговорил он. – Я что-то забыл, давно не был на именинах. Эй, дорогой, Мамука!

Подошел официант.

– Мамука, не знаешь нашей грузинской песни, чтобы поздравить с днем рождения?

Тот картинно задумался, подняв глаза к потолку.

– Нет, не припомню.

– Тогда вот что, – распорядился Бесо. – Пойди к эстрадникам, скажи, чтоб сыграли моему гостю грузинскую песню-поздравление. Только чтоб настоящую, старинную, не бу-ги-вуги! Грузинскую! Вот передай.

Он сунул в руку Мамуки красивую дорогую бумажку. Тот ушел, видно было, как он долго что-то объяснял музыкантам, потрясал руками. Вернулся:

– Не знают, говорят, не играют. Могут исполнить «Миллион алых роз».

– Пошли они знаешь куда вместе с розами! – вскипел Бесо. – Какие они грузины!

Он схватился за телефон, кого-то вызвал, стал шумно говорить, почти кричать по-грузински, при этом «день рождения» повторяя на русском.

– Обещали узнать, – сказал, бросая телефон на стол.

Минут через пятнадцать ему позвонили.

– Так, узнали? Как, как называется? Хорошо, будь на связи, расскажешь сейчас музыкантам.

Официант отнёс телефон на эстраду. Ведущий взял аппарат, слушал, кивал головой. Мамука вернулся с улыбкой.

– Обещали узнать, разучить.

Бесо стал совсем хмурый, насупился.

– Ничего не умеют. Вот грузины! Пойдем лучше подышим, на город посмотрим.

Они вышли из зала на просторную веранду. На улице уже стемнело, веяло нежной прохладой. Подошли к балюстраде. Внизу, метрах в трехстах, чернела река, за нею освещенной стояла скала с Метехским храмом и конным памятником. Дальше блестела живыми движущимися огнями машин набережная, еще подальше – озаренная Мтацминда с телебашней.

Удивительно, что в такой жаркий вечер на веранде никого не было. Мамука вынес им кувшин с вином, бокалы, виноград, поставил на столик.

Долго так стояли, потом растроганный Проворин приобнял Бесо, поцеловал его в щеку:

– Хорошо! Пусть вот всегда так будет: лето, ночь, Метехи, мы с тобой молодые еще, пьяненькие... жить хочется.

– Аминь! – ответил Бесо Майсурадзе.

Ни о чем говорить больше не хотелось, только смотреть и смотреть на лежащий внизу город, на выступающие из темноты древние его улицы и храмы. И молча, крупными глотками, пить вино.